

18+

Мария Козиминова
Житие несвятой Марии

НОВЕЛЛЫ

Мария Козимирова

Житие несвятой Марии. Новеллы

«Издательские решения»

Козими́рова М.

Житие несвятой Марии. Новеллы / М. Козими́рова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903637-7

Эта книга уникальна. Прежде всего, тем, что написана неписателем. Вернее, не профессиональным писателем. Но перелистнув лишь первую страницу, забываешь об этом... как забываешь о себе, времени, делах. Ибо написанное очень индивидуальным, самобытным, живым языком повествование полностью захватывает, заставляя проживать вместе с героиней все сложные перипетии ее жития. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-903637-7

© Козими́рова М.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	13
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	17
ГЛАВА 7	20
ГЛАВА 8	22
ГЛАВА 9	25
ГЛАВА 10	28
ГЛАВА 11	30
ГЛАВА 12	32
ГЛАВА 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Житие несвятой Марии Новеллы

Мария Козими́рова

© Мария Козими́рова, 2018

ISBN 978-5-4490-3637-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мария Козими́рова, урожденная Таратунина, родилась 10 октября 1931 года близ города Тюмень, в деревне Ушаково. Сейчас живет в г. Слюдянка Иркутской области.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга уникальна. Прежде всего, тем, что написана Неписателем. Вернее, не профессиональным писателем. Но, перелистнув лишь первую страницу, забываешь об этом... как забываешь о себе, времени, делах. Ибо написанное очень индивидуальным, самобытным, живым языком повествование полностью захватывает, заставляя проживать вместе с героиней все сложные перипетии ее жития. Интерес и напряжение не отпускает, вызывая эмоции то горько-тёмные, как дно океана, то светло-счастливые, как летнее небо. Невозможно сдерживать слёзы, трудно даже представить, через что пришлось пройти маленькой девочке.

Но и не поверить нельзя, потому что другой уникальностью книги является абсолютная правда: героиня – несвятая Мария – и есть Мария Козимилова, автор этой книги. Она сумела не только сохранить воспоминания, но и удивительно точно, то трогательно, то смешно, то жёстко передать мельчайшие подробности быта, эмоции и настроение девочки, чьим учителем стала сама жизнь, испытывавшая ее беспощадно и неустанно, как если бы именно на ней хотела проверить правдивость фразы: «человеку дается столько, сколько он может выдержать»...

И еще одна уникальность книги, которую ты, читатель, держишь в руках, в том, что она опубликована! А случилось это, прежде всего, благодаря очень важным вещам. Прежде всего, тому, что Мария, прожив тяжелую жизнь, которой и для десяти жизней было бы много, сумела НЕ разочароваться, НЕ озлобиться, НЕ разлюбить людей и саму жизнь, НЕ потерять чувства юмора, который сквозит даже в самых отчаянных и беспросветных строчках; который, возможно, и помог, во многом, выжить и остаться человеком... Публикуя новеллы на страницах поэтического сайта «Стихи и проза России», Мария не могла не привлечь внимания поэтов, ставших не только ее друзьями, но и объединившихся в литературно-творческое объединение «Эпиграф», благодаря которому эта книга сумела увидеть свет.

История нашей многострадальной страны, показана, может быть, в непривычном ракурсе, во всей ее жестокой действительности, но это наша история, о которой тоже надо знать...

Владимир Лищук

ГЛАВА 1

Деревня наша, Ушаково, была самой красивой на всем белом свете. Кто белого света не видел, поезжайте, убедитесь. Во-первых, дорога широкая, летом мягкая от пыли. Бежишь босиком как по гагачьему пуху. Речка с мостиком, в которой мы бултыхались до посинения, а потом, выскочив на горячий песок, скакали на одной ноге и, наклонив голову, вытряхивали воду из ушей. При этом у мальчишек смешно подпрыгивали бантики у живота. А чё-то у девчонок ничего не было. Но нам, девчонкам, в том никакого интереса не было.

Тут, на увале, торчал пень огромной сосны. С толстенных корней, наполовину занесенных песком, все, и мальчишки, и девчонки, всё лето ныряли в речку, а потом сохли голышом на этих же корнях, как макаки на ветвях пальмы. Правду сказать, это сравнение пришло ко мне только сейчас. А в те благословенные времена, когда мне было лет очень мало, я не то, что макак, но и пальм не видела. Почему-то они у нас не росли. Все остальное у нас было.

Во-первых, целая улица разных домов, один был даже в два этажа, и в нем жил старый еврей, очень добрый и весь в чёрной одежде. Звали его Цильман, а может, это его жену так звали, но она уже к моему рождению померла. Так вот... Кроме целой, большой и пыльной улицы, была еще Зелёная, там было шесть домов, а еще «за рекой» люди жили, сколько их там было, я не знала. Чтобы туда попасть, надо было идти через мостик, а кто бы меня туда за ручку сводил, таких не находилось.

Мы все тогда росли в полной свободе, и никто нами не понукал, потому, что все люди трудились, не до нас было.

В нашей семье одних детей было семеро, прямо как в сказке про козлят. Шесть девчонок и один занудливый братик Шурка. Он был самый маленький и ему доставалось всё, что получше.

Я очень завидовала, когда за утренним самоваром мама давала ему что-то, похожее на мёд. Но это был не мёд, а что-то другое, чего я не знала, но сильно завидовала. А он еще крутил своей лысой башкой и отворачивался, а мама нежно его уговаривала. Мне бы дали, я бы не отвернулась. Но просить побаивалась. Тятя сидел за столом и муки мои видел. А я хочу сказать, что хотя я и была шестой девчонкой в семье, где отцу позарез нужны были парни, но он меня очень любил.

В те времена детей не баловали, сроду никаких там поцелуев. Сыты, одеты – и вперёд. Так вот, один раз тятенька мой родный маме сказал: «Да дай ты ей, – стало быть мне, – этой отравы». Ну, маме не жалко, налила полную ложку: «На, пей». Глотнула я с жадности, чуть не вырвало. Все со смеху покатались. Все знали, рыбий жир это был. Конечно, я потом Шурку треснула по крутой башке, пока никого близко не было. Орал, конечно, и виноват не был, но мне легче стало.

Вот где был рай на земле, так это в нашей деревне. Недаром сейчас Тюменские богатеи здесь понастроили своих домов. Я думаю, правильно. Старое рушится. Времена новые идут.

Родители померли, дети в городах дела поправили, денег прикопили, пусть строятся в нашей Ушаково. Жива деревня! У нас кругом и леса, и поля, и реки с рыбой. Ягоды-грибы. А неба сколько! Ширь неоглядная, нигде такого ясного нет. Правда, при дождях грязи как грязи, но высохнет – и снова рай...

Вот, под этим синим, огромным небом, при этих богатых лесах да широких полях, да при невысказанной красоте родной земли мне мои дорогие и незабвенные тятенька с матушкой и завязали пупок. Завязали крепко, от души. Вот уж девятый десяток идёт, а всё дюжит... Если кому интересно про чужое счастливое детство читать, милости просим. Конечно, самое раннее, ещё толком не осознанное. Когда только-только начали звенеть мои нежные, невидимые,

хрустального звука небесные струны. Это невыразимое по теплоте и вольности «Житие не святой Марии».

ГЛАВА 2

Я была счастлива, сама не зная об этом. У меня всегда было состояние невесомости, как будто я не ходила, а летала. Какие-то неведомые тонкие, хрустальные нити соединяли меня с небом и миром. Они тихо и нежно звенели, когда на земле слышался грубый голос, плач, мат, брань соседей. Кто-то неведомый оберегал меня от грязи и прозы жизни, пока не пришел тридцать восьмой год.

Но я про него писать много не буду, так как мы с ним были не знакомы, до одной страшной ночи, когда мама спешно в темноте одевала нас, а отец усаживал на телегу. Или судьба, или этот самый злой год разорвал нашу жизнь надвое, как «завеса в храме». Не хочу о плохом сейчас писать. Как живые, встали в глазах картинки моего счастливого детства, которые длились всего семь с хвостиком лет.

Итак, кто это тут я? Ну, я конечно особа интересная, не в смысле внешности, так как мою внешность каждому легко представить, если он рос в деревне от трех до семи. Даже вспомнить нечего, кроме копны рыжих, спутанных волос, голубых глаз и тонких, в вечных «цыпках», рук и ног. Девчонка как девчонка, но меня знала вся деревня. Я, конечно, славы не искала, эта капризная дама сама шла ко мне.

Во-первых, ещё при «младых ногтях» я умерла, а потом ожила. Это вам не фунт изюму. Вся деревня про это чудо знала. В те годы бабы рожали часто, так же часто и хоронили деток. А что делать? Не все выживали. Не лечили ведь. Чем «бабки пользовали», тем и ладно. Умрёт дитяtko, сгношат скорые похоронки, свезут на погост, к родимым могилкам рядышком, и дальше жить. А что сердце матери исходило болью и невидимыми слезами, до того дела никому не было.

Во-вторых, через тятеньку. А как же? Любимая и самая младшая дочка председателя нашего колхоза. Льгот-то мне от этого родства не много было. Все знали, что тятенька-то мой крут. Если кто виноват, он на чины не глядел... А уж мой-то чин и вовсе был мал.

Главная моя слава была через него оттого, что он в самую Москву ездил. Какой-то Калинин его в Кремль, на съезд позвал, и потом вся деревня приходила к нам в избу смотреть живого Сталина и других вождей. Конечно, не совсем живых, а на больших фотографиях и в книгах. У нашей семьи до сих пор у всех, и у меня в том числе, хранится фотография со съезда.

В основном, я помню лето, когда всё и происходило. Мы росли, как полынь-трава, свободно и беззаботно.

Даже мы, дети, понимали, что зимой хлеб не растёт. Трава тоже. И всё это надо на нашу долгую и холодную зиму запастись. И скот пасти, и огороды полоть. По этой важной причине пригляду за нами никакого не было, что нам совершенно не мешало жить. Вот и баню по субботам топить было надо, куда ни крути... Положа руку на то место под тоненькой, неделю не мытой шеей, наша баня по-белому была мне враг номер один. Честно признаться, считать я не умела, но знала по опыту – враг, и притом номер один. Потому, что у меня был еще один враг – Вовка, тётки Стеши сынок.

И чё это все парнишки были противные и орали без мамок? Как-то так получается, что мужики без мамы, а когда вырастут, без жены, ну куда не годны. Ни к печке, ни к корыту, ни к зыбке их не тянет, да они и не умеют, а хуже того, не хотят этого делать. А вот что я видела, что они сильно любят, так это праздники. Тогда мужики веселые, водку и самогонку, гадость эту, пьют с удовольствием, потом долго и громко, как будто все враз оглохли, начинают говорить каждый своё и руками размахивают, и по-русски мало говорят, а все по-матерному. Потом поют нестройно, «кто в лес, кто по дрова», так в деревне говорят. А вот когда бабы к ним припарятся, вот тогда красота... Плывет песня, как бела лебедь по чистому озеру, переливаются

звонкие бабьи голоса и густые мужиков. Сердце замирает от чего-то, уносит песня в какие-то неведомые края. Уж так хорошо жить на этом белом свете! У нас на деревне много пели, особенно девки.

И что интересно, я никогда не пела, а через многие годы все песни старинные знала наизусть. Все мелодии чётко выводила. Пели про какой-то Байкал, про могилку, про которую не узнают родные, про раненого бойца, про брата с сестрой. Жалобных песен было много, прямо плакать хотелось. Но время шло, керосин в лампах выгорал, гуляющие расходились, и почему-то кому-то чего-то не хватало... и тогда начинались обязательно драки.

Кое-где по избам взвизгивали бабы, ревели ребятишки, пьяные мужья наводили в доме порядок. Мой тятенька тоже не отставал и гонял маму и старших сестер, Раису и Зою. Анну отец очень любил, как и меня, и мы его не боялись. Ольга, Клава, я и Шурка лежали тихо, как мыши, на полатях, и туда отец не заглядывал. Долго еще хлопали двери, звенели разбитые стекла и слышались пьяные голоса.

Наутро, раным-рано всё шло как всегда. Это в нашей избе, в других не знаю. Мама, чистенькая, в фартучке, в красивом платочке и с синяком под глазом уже управилась в кути.

ГЛАВА 3

Гора блинов высится на столе. Это у нас завтрак. Сейчас-то бутерброд да яички на сковородке...

А у нас стол ломился от еды. Стояли чашки с мёдом, со сметаной, с растопленным маслом. Молоко из русской печки, с вечера поставлено, топлёное. Пенка в палец толщиной. Мама пенку снимет и ложкой кладёт на блин тому, кто хочет. Тятя с пенкой любил. Они с Австрийцем по десятку блинов уметали. Чё скажешь? Мужики... Больше никогда в жизни я не ела блинов, вкуснее маминых. Не блины, а сказка – нежные, душистые и много-много дырочек, как звезд на небе. Я любила с мёдом. Мама сложит блин треугольничком, макнет в мёд и подаст мне. С тёплого блина сладость течет, я облизываю пальцы, глотаю эту сказку, и радости нет конца. Часто и яишенка была на столе. Но это же тебе не ужин, чтобы сидеть разъедаться... Но, худо-бедно, самовар-то ведёрный выпивали.

За окном только светает. Отец уже во дворе, седлает Каурку. Австриец тоже во дворе. Они отзавтракали, сытёхоньки. Тятя со двора, работничков будить. Австриец достает воду из колодца и носит в избу, заносит наколотые дрова к печке. Это маме в помощь. Улыбнётся мне, потреплет мои рыжие кудряшки и уходит к сараю, к стайкам, к бане. Я не знала, что наш Австриец пленный, что отец привез его ещё в гражданскую войну. Был он глухонемой от контузии, жил с нами в доме, ели все за одним столом. А было всех одиннадцать душ...

Тятя с мамой, нас семеро, Австриец и баба Катя, тоже глуховатая и нам не родная. Чья она, никто не знал, но все её любили. Она детей пестовала. Тихонько ходила по избе, что-то по мелочам делала. Иногда я видела, как она сидела на крыльце, куда-то смотрела в одну точку и о чем-то думала. И мне почему-то было её очень жаль. Наверное, где-то у неё был дом, дети. Я этого не знала и ни о чем не думала, но всё равно жалела. Иногда подсяду к ней, маленькая, худенькая, а она возьмёт мои ручонки и гладит их. А сама на меня и не глядит... Почему-то и мама со старшими сёстрами любили посидеть на крыльце. И Австриец сидел по вечерам один... А днём, по жаре или в дождь, мы с Райкой играли.

И еще помню куклу. В семье, где было шесть девочек, не было ни одной куклы. И когда баба Катя смастерила из старого чулка куклу с нарисованным личиком, с волосами из золотистого нежного льна (лен-то сами трепали, пряли и ткали всю зиму), и даже пришила ей руки, правда, ног не было, и сарафанчик из лоскутков, радости моей не было конца. Ясно, что такой красоты я не видела ещё в своей жизни. Самое интересное было у моей куклы – это глазки. Видать, баба Катя не была художником, поэтому у моей красавицы один глаз был больше другого и бровь выше. Поэтому кукла будто подмигивала мне и говорила: «Не бойсь». Очень я полюбила её и гордилась. Ходила и думала, как её назвать, да не одно деревенское имя ей не подходило... Вот сейчас я назвала бы её Консуэллой или Джульеттой, но тогда я таких имён не слыхала. Вот хотела, да не успела. Никакого терпенья...

Понесло меня на улицу хвастаться. Крикнула своей подружке Райке Сёминой, чтобы выходила: «Райка, выходи, у меня кукла!» Громко так крикнула. Тихо я не умела. Пока подруга моя тележилась, две девчонки подскочили, – «дай посмотреть», – ну и пошло... Колька «сопля» тут как тут. Рванул мою куклу за голову, я к себе, девчонки к себе. Когда подруга выползла из-под подворотни, от куклы в моей руке осталась только её ручка без пальцев. Правда, пальчиков и сразу не было, и смотреть было не на что... Это было первое большое горе в моей маленькой жизни. Я ревела до икоты, и никто меня не утешал. Баба Катя была глухая, тятенька родимый где-то мотался на своем Каурке, некому было меня пожалеть. Приятели мои тоже готовы были плакать, глядя на тряпки, которые выпали из старого чулка. Больше в моей жизни не было ни одной куклы.

А жизнь шла – нет, не шла, а катилась веселым разноцветным колесом по пыльной и широкой улице родного гнезда.

Собственный дом и был мне гнездом, большим, теплым и уютным. С любимым суровым тятенькой с его неумной натурой и бешеной работоспособностью, с мамочкой, доброй, нежной и тихой как мышка. Мышка-то мышкой, а с домом и кучей «ордынцев», то есть нас, деток, она прекрасно управлялась. Не деревенская чистота в доме многих удивляла. Соседки, когда просто забежали чего-нибудь попросить, или чаевничать сядут, обязательно скажут: «Ох, и чистота у тебя, Пиама Васильевна, прям душа тает, когда бы ни пришёл... Пол-то как шёлковый, занавески играют... И как это у тебя стекла-то такие чистые, дом-то ведь при такой пылище у дороги стоит». На что мама всегда каким-то тихим и вместе с тем горделивым голосом отвечала: «Да ладно вам, бабы, расхвалили, как невесту. У меня ведь девчонки, вся работа на них по дому-то». Я, когда слышала, как мама хвалит своих «девчонок», в душе своей маленькой тоже гордилась, что и моя доля труда есть. Вспоминала, чего это я хорошего для дома делаю? И ничего-то придумать не могла, так как ничего не делала.

Но однажды летом мама попросила меня залезть под амбар и собрать там яйца. Кур у нас было не мерено, они шарились везде, где ни попадя, и неслись некоторые, ясно, и под амбаром. А так как, видно, мама посчитала, что я, как самая худая и росточком мала, под амбар легко залезу. Я и радёхонька, что заделье и для меня нашлось, нырнула туда. Если бы я просто так залезла под амбар, мне бы от сестёр попало. Молодцы курицы, знают, где нестись. Меня просить долго не надо. Главное, чтобы похвалили. Немного было жутковато, и я чуть-чуть трусила. Света мало, сверху висят тенёта, какая-то неживая трава, пух куриный, мусор всякий и везде куряк. Я ползала, собирала яйца в подол платышка и сначала передавала маме свою добычу, потом вылазила сама, как взъерошенная курица. Я вся была в сухом куряке, мои рыжие кудряшки в серой паутине. Если бы я видела себя в зеркале, я бы никогда больше не полезла под амбар. А так я спокойно лазила туда всё лето. Мама, когда хвалила «своих девок», значит, и меня тоже хвалила. Поэтому я сильно гордилась и хвасталась, что я уже большая...

Ну вот сейчас, прям, не знаю, про кого писать? То ли про тятеньку, то ли дальше про себя. Да ведь и про маму, и про сестёр, да про всех надо, кого помню. Батюшки, как же я управлюсь? Сроду столько не писала. Ладно, от себя не убежишь. Опять же, своя рубаха ближе к телу.

Про себя тоже местами интересно...

Вот сейчас и про врагов можно.

Через дорогу, наискосок, стоял небольшенький домик тётки Стешы, жены тятиного племянника Пашухи. Фамилия у них была, как и у нас. Да чуть не полдеревни были одной фамилии, наверное, родня. Пашу я мало помню, а вот тётку Стешу хорошо. Да и все любили её и жалели. Потому, что все почти мужики по пьяни дрались, а этот племянничек жену свою уж сильно бил, и бегала она от него по чужим избам, часто и к нам прибежала в наскоро накинутой шалюшке.

Мама ее привечала, а тятя, нахмутив свои рыжие брови (он тоже сильно рыжий был, весь в меня), шел к Паше, чего-то там, видно, ему говорил, и потом эта бедная Стеша, как на плаху, шла домой. А детей у них была только Шурка, девчонка некрасивая, тихоня, с моей сестрой Клавкой подружка. А тут случилось так, что Стеша была на сносях. Маленькая росточком, с личиком хорошеньким, веселая, добрая женщина. Чё уж там у них опять вышло, только пьяный Паша избил беременную жену. Она только открыла крышку подполья, хотела слазить по огурцы. Тут и муженёк явился, взбесился да и столкнул беременную в подполье. Она там и родила Вовку, и ногу сломала.

Мама моя видела в окошко, как муженёк этот пьяный шёл. Видно, сердцем почуяла недоброе, побежала через дорогу к ним. Так Господь и спас Стешу. А советская власть осудила Пашу на год тюрьмы.

ГЛАВА 4

С одной стороны, и хорошо, что его нет. С другой, некому работать. Шурка ходила с бабами на поля, но я думаю, мало от неё толку было. А Стеша охромела, и сильно. Врачей-то не было. В огороде, по дому управлялась кое-как, а тут ведь еще и Вовка-рёва. Он всегда не орал, к примеру, как я. А как-то гундел противно. Ну, видно, когда голодный или мокрый, то и плакал. А чего мокрому-то быть? Зыбка-то холщовая, всё насквозь протекает. Вот если бы у них была зыбка как у нас, глубокая, то я бы этого Вовку долго бы еще нянчила. У нас ни один не выпал из зыбки. Зыбка, если кто не знает, я расскажу. Тут я спец.

Когда рубили дом, в матицу ввинчивали крюк. Потом в кольцо на крюке продевали очеп – ну, такая тонкая лесина, обструганная гладко. Из какого дерева был очеп – я, конечно, не могла знать, так как в лес выбирать лесину меня никто не звал. Сама зыбка – это четыре толстых струганных палки, связанных по углам тонкими ремешками. К ним пристраивали, кто чем мог, кусок грубого холста, стлали чего-нибудь мягонького – и всё, спи, сколько хочешь. Это не всё. К зыбке за два угла привязывали петлю, чтобы качать ребёнка. Сядет, к примеру, матушка прясть или там, вязать, поставит ногу на петлю, и всё. И дитю хорошо, и дело делается. А чаще всего детей качали старшие, кто подрос, или бабушки. В зыбке мягко, тепло, очеп поскрипывает, дитю песенку поют; в доме полумрак, лампу прикрутят (нечего керосин зря-то жечь), в доме тихо, так хорошо, душа мрёт. Баба Катя уже на печке, мы с ней рядышком приткнёмся. Кошка с нами. Спать ещё не время, особенно зимой. Я ведь к чему про зыбку-то? Да чтобы вы поняли, почему тётки Стеша сынок Вовка был моим врагом номер два.

Вот ведь, правду люди говорят: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Это я к тому, чтобы вам всё понятно было, почему так долго про зыбку рассказывала. Да вы уж, наверно, догадались. Раз уж так вышло, что я была безработная, а у тетки Стеша работы было невпроворот, вот и выпросила она у мамы помощницу, то есть меня – качать в зыбке этого гундосого Вовку, ну, помните, он ещё в подполье родился. Не часто – просила Стеша – и не надолго. Вот я тут и сгодилась. Может, он оттого и плакал-то тихонько, что не в поле, не в доме родился. Я бы его жалела, если бы его не качать. Он мне не в тягость был. У нас дома нашего Шурку уже не качали, он сам ходил на своих коротких, толстых и кривоватых ножках. А так как у него большая голова перевешивала, он часто падал. Но почему-то всегда на попу. Вот такая привычка у брата моего была.

Вот опять не про Вовку, а про Шурку. Здоровый бык был, а всё ходил за мамой. Как только мама присела, прясть ли, или что сидя делать, братец тут как тут. Нашарит у мамы под кофточкой титьку и сосёт. Хоть стоя. Мы над ним подсмеивались, а ему хоть бы хны. Только сопит себе, молоко по губе течёт. Я его иногда по башке-то тумкала, а он поорёт маленько и не сердится. «Глуп, как пуп» – так баба Катя иногда говаривала.

Ну вот. Про себя-то чуть не забыла. С утра или там после обеда, как только тётка Стеша крикнет через дорогу-то:

– Пиама, чё, Маруся-то дома ли?

– Дома, дома. Щас прибежит. —

И ко мне:

– Беги, доченька, подсоби, покачай Вовку-то, хворый он у Степаниды... А как усыпишь – и беги, играй...

Ага, не знала мама, что так просто этого ребёнка не уторкаешь. Я его качаю, а он гундит, я его качаю, а он ни в одном глазу. Я ему и петь пыталась, хотя ещё и сама не умела. Знала маленько про какого-то Будённого, про Чапаева тоже, а чего про них Вовке петь, он же их не знает. Хотя я и сама не знала, кто такой этот Буденный. Парнишки знали, наверно. По временам идут по улице и базланят. Они и про Щорса, и про Чапаева орали. Тихо не получалось.

А нас, девчонок, не брали к себе даже близко. Говорили, что мы тонко поём. И в бабки играть не брали, а так ничё, всегда вместе. Вот так я и страдала через этого Вовку.

И не убежишь, пока он не уснёт. Не очень много раз бегала я Вовку качать – хоть и нехотя, но послушаться маму и в голову не приходило. Но я невзлюбила этого ребёнка. На улице, бывало, такой шум, визг, топоток, побежали ребяташки куда-то, а я, как проклятая, зыбаю Вовку, а он, гад, не спит. Гундит помаленьку. Вот вражина. Меня бы столько качали, я бы спала, как пропастина.

Раз как-то утром вылетела я из ворот, Райка из подворотни выползла, ребятни куча собралась. Чей-то отец отдал ребяташкам тележное колесо играть. Такое событие ну никак нельзя было пропустить. Игра-то общая получалась. Вместо оси в колесо просовывали крепкую длинную палку, с двух сторон брались за неё сколь влезет человек и с диким восторгом катили это колесо вдоль деревни. Потом с укорами, чуть не с дракой, другие хватались за палку с двух сторон – и пошла потеха. Катили это колесо, пока оно не разваливалось. Иногда на два дня хватало.

Ясно, что всем хотелось покатать. Все было готово, рулевые наши уже за палку хватались, и тут, как на грех, меня мама выдернула из кучи... и пошла я, глотая слёзы обиды и отчаяния качать этого ненавистного соседа. Стеша жалостливо просит: «Марусенька, побудь маленько, покачай Вовочку, я его только покормила, он быстро уснёт».

И ухромала в огород. А у меня сердце всё исчезалось, бежать надо, так бы и заорала во весь голос от обиды. Там, на солнце, по тёплой широкой дороге люди колесо катили, кричали от восторга, за ними облако пыли, курицы в разные стороны. Красота! А я тут маюсь...

А этот «Вовочка» и не думал спать. Правда, и не гундел. А раз все ладно, так чего глазками лупать? Может, я тихо качаю? Ну, на тебе быстрее...

А помните, я говорила, что у них зыбка мелкая? И чего Паша такую сделал, что ребёнок из нее вывалился?

Правду сказать, я так расстаралась, что с размаху зыбку об стену брякнула. Я бы не выпала, доведись кто бы меня качал. А у Вовки ручки-ножки спеленуты, как ему удержаться? Вот и выпал сверточком. Лежит и молчит, и глазки закрыл. Красота, тишина... Я к тётке, с крылечка кричу: «Вовка уснул, на полу лежит, я побежала!»

Чё потом Стеша выла, и мама с бабами суетились, я уж и не видела. Но почему-то больше меня в няньки никто не звал...

ГЛАВА 5

Так и катилось колесо моего детства весёлой радугой.

Случалось, конечно, всякое. На нашей же улице, в большом доме, где давно уже кого-то раскулачили, был сельсовет. А в задней комнате наладили детский садик. Тут и ели, и спали, и играли. Главной была крепкая бабка, Дарья Гавриловна с того конца деревни. Она была одна за всех. Если хотите знать, скука была в этом садике смертная. Гуляли мы во дворе, все пятеро. А двор-то без единой травинки, пылища и кучки конского навоза, потому как стояли в конюшне две лошади и бричка под навесом. Еще под навесом стоял триер, какие-то колеса и много всякой железной всячины. А ели мы то, что приносили с собой матери. Дарья Гавриловна складывала всё в кучу, потом делила на всех, и себе тоже. Очень мне этот садик не нравился и особенно наша няня. Больше некого было поставить. Ну вот, если вам интересно, расскажу, как я сбежала из этого плена. Во-первых, мы с Райкой – моей соседкой и подружкой, маленько прогребли подворотню, через которую лазили курицы и собаки. Райка-то привычная в подворотню лазить. Когда Сёма, её отец, и Сёмиха, её мать, уходили на работу, девчонка оставалась одна. А так как она даже до воротной задвижки не доставала, то чтобы ворота не расхабанивать, Сёма вставлял там палку, и бедная моя подруга на улицу ловко лазила через подворотню.

Вот во время «прогулки», когда наша няня мыла крыльцо, мы с Райкой полезли в эту дыру. Все шло хорошо, подружка уползла, а я, не умеючи, застряла на половине. Лежу на брюхе, голова на улице, все остальное в ограде. Пылью рот и нос забило, кричать боюсь. Подруга в три секунды слиняла домой в свою подворотню. Я лежу, страдаю, пока терплю. И, о счастье, мой-то родименький на своей Каурке прямо к сельсовету летит. Соскочил с коня и тут меня увидел. Я от страха и стыда глаза закрыла, а душа запела – вот оно, спасение.

Я ведь вам вроде ещё не говорила, что отец мой был председателем колхоза. В конторе-то он мало был, а тут, видно, почувал, что его любимая дочь в беде, и свернул к сельсовету. Приподнял воротину, вытащил меня обратно во двор, отряхнул от пыли и повел к Дарье. Наругал её, велел умыть меня и ушел по своим делам. Наутро, с узелком в руке меня опять свела в садик сестра Оля. Лёлкой ее звали, а по-взрослому Ольга. Она была старше меня, но на вечерку мама её ещё не отпускала. На вечерку у нас ходили три сестры – Раиса, Зоя и Анна, которую дома тоже звали Нюркой. Вот эти-то сестрицы и попили моей кровушки.

Ну, про них потом, а то про себя опять забуду. Да чё-то так много народу, и про всех бы написать, да вот не знаю, чё получится. А чё может получиться у семилетней девчонки, да ещё и нигде не бывавшей, кроме своей деревни. Но тогда деревня была целым огромным миром, наполненным чудесами...

Но все-таки про себя интереснее.

Значит, пришли мы с Олей в этот садик... Ворота закрыли, подворотню толстушей доской заложили. Нигде ни дырки. Пропала моя головушка...

Ладно, до обеда дотерпела, а как поели, велено было спать. Сама-то Дарьюшка посуду помыла, прикорнула на топчанчик и тут же захрапела со страшной силой, как мой родимый тятенька храпел, когда пьяный бывал. А я видно вреднющая была... Сказала, что не буду в этот садик ходить, значит, не буду. И точка. Вся в тятеньку своего.

Вышмыгнула я во двор, куда бы деваться? Пошла под навес, где старый триер стоял и разное железо. Залезла на триер, села на край бункера, да и скатилась по гладкому-то железу вниз, к валам, которые колосья протирают. А валы-то повдоль, и на них уже скопилось всякой всячины. Там и остатки соломы, и пух какой-то, и мусор разный. Даже больно нисколько не было. Так как в такой ситуации думать я ни о чем не могла, то вскоре прилегла, да и уснула. А спали дети в деревне очень крепко.

Ни сказок тебе, ни книжек никто не рассказывал и не читал. Редко, когда баба Катя чего-то споёт тихонько. Только перед сном затащим под тулуп кота и гладим его в темноте, а из него искорки голубенькие выскакивают. Надоест коту, чтобы его гладили, цапнет кого-нибудь, выскочит из-под тулупа и удерёт на печку к бабе Кате. Она там тихонько спала и кота не трогала.

Ну, пока я сплю в триере, можно рассказать вам про дом, если, конечно, интересно. Мой-то интерес тут какой? Похвастаться, конечно... Дом-то у нас был не простой, а кулацкий, пятистенок. Не просто сени да изба, как у всех. Сени с крыльцом, само собой. Куть большая, с русской печью и большим столом, за который садилось нас одиннадцать человек. Да я уже говорила. Два окна на дорогу и одно во двор. Три широкие лавки. Крашенные. Две вдоль стен, а одна вдоль стола. Места много было.

В горницу открывалась двустворчатая белая дверь. В горнице стояла железная кровать с горой пуховых подушек. Стоял тоже большой стол, за ним деревянный диван, на который нам нельзя было садиться. Это для гостей. Еще было большое зеркало на тумбе, но оно было высоко, и я никогда не видела себя в зеркале, да и нужды в нём не имела. Да нам с Шуркой и ни к чему были зеркала. Мы и без зеркал красивые были. Когда меня кто-либо видел замарашкой да еще с соплями (случалось), говорили: «Ну, красавица...» Я так и думала, что красивее меня и нет никого. А, впрочем, мне это было всё равно.

А окон в горнице было четыре, по два на две стороны. Горница была большая, светлая, потолок крашенный белой краской, и были нарисованы лебеди и амурсы с крылышками. Больше в жизни я таких потолков не видывала. В переднем углу на божнице стояли три иконы, и были на них тоже люди странные нарисованы. Баба Катя иногда долго стояла перед ними на коленях, и что-то им шептала.

Ещё маленько, и про горницу хватит писать. Из неё еще была дверь в горенку. Я там редко бывала. Это в ней спала самая старшая сестра, Раиса. А когда она вышла замуж за Яшу и ушла жить к нему, в горенке поселилась Зоя, потом Анна. Ольге не довелось поспать в отдельной комнате. Все остальные спали вповалку в горнице, на полу, под тулупами. И еще была тут же печка-голландка. Топилась она из горенки, а выступала больше половины в горницу. Весь пол устлан домоткаными половиками.

Чистота, красота, но туда дверь только на ночь открывалась, да когда старшие девки там перед зеркалом себе личики мазали. Меня туда не пускали, потому, что я много вопросов задавала, куда, зачем лицо красить? Чтобы никто не узнал? Так всё равно их вся деревня знала. Сестры смеялись и выпинывали меня не обидно в куть. Всё же секреты у них от меня видно были. И секреты эти я должна была знать. Хотя, правду сказать, мне их секреты нипочем не нужны были. Вся соль-то была в том, что очень хотелось посмотреть, что там, на вечерке деялось. Вечерами от околицы слышались красивые песни, гармошка и звонкий смех. А нас, мелкоту, на полати... Да хоть бы одним глазком глянуть на все это веселье, на гармониста особенно. Я, конечно, даже и не просилась, да и Клавка с Лелькой тоже были малы и разговоров про вечерку не вели.

ГЛАВА 6

Но старшие сестры сами придумали такую вот хитрость...

Так как в наших краях, как солнце сядет, комаров тучи налетают – ну, никакого житья. Бабы на лавочках и не сидели долго-то. Ветками отмахивались, а мы-то не шибко их боялись. Привычные. А вот для вечёрок, уж не знаю кто – собирали сосновые шишки, ветки сухие, чё попало, складывали в старые дыроватые ведра, да и поджигали. Дым разгонял комарё, и молодёжь веселилась чуть не до утра. Мы-то, конечно, спали и ничего уже не слышали. Только утром мама будила девок, а они кобенились, проснуться не могли, пока отец в избу не заходил. Тут уж не до сна. Тятя-то крут был. Скажет, бывало: «Ну-ка, девки...» Ещё не договорит, а мы, не я, враз бежать исполнять тятину просьбу. Любили его и побаивались...

Так вот, надо бы про тятю, а я опять про себя. Ну, много ли про отца напишешь, если совсем мало видишь его. А я-то вот она, с самого утра, как волчок, целый день кручусь. Везде же успеть надо. Лето будто бы и длинное, но как-то скоро заканчивалось... А в рыжую кудрявую головёнку лезли одна за другой всякие интересные мысли. Вот, например, про Райку, подружку. Когда надо, я выходила на улицу и кричала: «Райка, выходи!» Во все времена так из дома друзей вызывали. Через какое-то время Райка показывалась, вернее, её голова в подворотне. Вот и сама подруга, с немного удивленными на мир глазами...

Странная вещь... Наши дома стояли рядом, огороды тоже. Между огородами даже нитки не протянуто, одна межа, травой поросла. Не было у нас в деревне ни заборов, ни заповор, ни замков. Может, где в других деревнях были, того не знаю, дальше околицы я не бывала. И чего бы Райке не приходиться ко мне играть по задачам, за баней? Нет, две умницы упорно лазили через пыльную подворотню.

Стояли жаркие летние дни... Мама собрала по стайкам цыплят и посреди двора под короб их выпустила. Всегда так делала. Под коробом цыплятам хорошо было. И на солнышке, и коршун не утащит. Писку – на весь двор. Теплынь, красота, покой... и коршун тут как тут. Расправит крылья и кружит, кружит... Покой-то, правда, у меня был только тогда, когда я спала. А так, у меня была полна голова разных идей, так что я и не успевала всё претворить в жизнь. Какой уж тут покой... Как-то так выходило, что только разыграешься, заживёшь своими мечтами, забудешь про весь окружающий мир – как тебя тут же выдернут в ихнюю жизнь: «Маруська, иди домой, мама зовёт!»

И чего бы маме меня звать домой, чего я там не видела? А, обедать пора. А я и забыла. И от того, что у меня мои мысли не выходили из головы, я то ложку уроню, то чаем обольюсь, за что и получала небольшую выволочку, в виде подзатыльника.

Отец редко дома обедал, бояться было некого. Прямо вот уж, у кого покоя не было. Бывало, играем около нашего дома, тятя на Каурке подлетает. Красавец, весь в меня!

Снимет с головы картуз, кинет мне: «Маня, живо... побольше...» Хватаю кепку, бегу в стайку к курам...

«Кыш...» Собираю яйца в кепку, штук с десятков, несу тятю. Он ловко стучает яйцо друг об дружку, выпивает и... улетел на своём Каурке по своим делам. Тятя очень любил работать, как я играть.

Вот опять не в ту колею заехала. Я же хотела про меня, про Райку и про цыплят.

Пришло мне на ум «в дом» поиграть. Райка короб держала, он же легкий, из ивняка плетёный. А я выдернула штук пять-шесть цыпушек. Залезли на баню по углу. Дом устроили...

Опять же поясню для особо понятливых, для чего мне цыпушки. Мама моя была хозяйкой, не сравнимой ни с кем. Отец хоть и поколачивал её за компанию с другими мужиками – ну, когда пьяные, но любил видать сильно. Не зря же мама ему шесть девчонок подарила. Ни у кого

в деревне столь дочерей не было. А бабы говаривали, что девки от большой любви рождаются. Не знаю, не знаю. О Господи, когда же я по порядку вспоминать-то начну...

Видела я, как мама ближе к осени ловила штук пять гусей, связывала им лапы и садила в рогожные мешки на откорм. Никуда гуси не ходили, мама их поила и кормила прямо лежачих. Давала им чистую воду из колодца, хлеб, зерно, орехи. Потом снова завязывала мешки. Гуси становились жирными, мясо нежное, не выхоженное. Потом резали. И на лёд, в ледник...

Ну вот, и мы с Райкой решили пир устроить. Перевязали цыплятам лапки, завернули в тряпочки, чтоб не шуршали тут. Ну, как водится, «дом» устроили, в гости друг к дружке ходили, из глины угошенья лепили, чай пили долго, как бабы, когда у нас собирались.

У нас ведь изба большая, стол большой, самовар ведёрный. Мёд и сдоба, пироги и пирожки со всякой вкуснятиной в кути не переводились. Шибко-то я не ела, только сильно любила сладкое. Вот сейчас говорят: «Ой, да мы слаще морковки ничего не видели...» А я видела... Когда бедные люди у богатых всё отбирали (ну правильно, нечего богатым на свете жить), они ничего не жалели и у деда моего Максима пасеку вместе с пчёлами сожгли. А пять ульев, ради мамы и детей, оставили.

Меня-то тогда ещё и в помине не было. Вот мама и сохранила, и развела снова пчёл. Мастерница моя матушка была, умница...

Как про всю жизнь подумая, так желание писать пропадает. Про всю-то жизнь мою дальнейшую писать никаких жизней не хватит... А так – хоть про детство свое золотое с серебром напишу, так как будто свежим ласковым ветерком повеет с тех пор, с тех мест, где осталась моя милая родина. Господи, да неужели это взаправду было?... Сон, да и только... Иначе никак не назовешь. Но, рано или поздно, сны эти золотые кончаются...

Но я всё ж не всё ещё вам рассказала о себе. Это же моя главная задача. А что я могу про других-то написать? Я же только про себя много знаю и помню. То ли я начала про цыплят, то ли нет? Вот уж и забывать стала. Ну да, начала...

Ну, погостевали мы с подружкой в своем «доме», в «гости» друг к дружке ходили, надоело... Слезли с бани, всё там оставили. Ладно бы там тряпочки-щепочки. Дождутся до другого раза. А главное, про цыпушек-то забыли. Мы же их по всем правилам, связав лапки, подвесили на жердине, где веники для бани висят. Наигрались, слезли с бани, убежали на улицу, на речку, да мало ли где мы день доигрывали. Бедные цыпушки...

И когда дня через два я услышала, как отец кричал во весь голос (с матерщиной, конечно) на маму и на девочек, что-то холодной лапкой тронуло меня изнутри. Тятеньку под крышу дровяника чё-то понесло, рядом с баней, и оттуда слышался рёв: «Таку-растаку мать, чё, кошка чё ли сдохла где-то? Вонница, не передохнуть... Ищите, под амбар лезьте, в углах прошарьте...» Сильно батюшка мой сердит был, а в сердцах-то мог и огреть чем попало. Все это хорошо знали и боялись отца, и слушались безо всяких-яких. Метались девки по двору, и Сёмиха тут была, и Сёма тут же стоял, зажавши нос. Соседи всё же. Когда тятенька грозен был, даже соседи поди боялись...

Под амбар некому было лезть, все были крупные. Надо же дохлую кошку оттуда вытащить как-то. А мы с Райкой мирно играли на крыльце в камушки, подстелив старенькую ряднушку, чтобы камушки не скатывались...

И только я хотела помочь всем, хотела геройский поступок совершить, ну, хоть бы как тот Буденный, и залезть под амбар за дохлой кошкой, подбежала к маме сказать про это – гульнул ветерок близ бани, понесло оттуда вонь – и искрой в мозг: «Так это же мои цыплята...» Сразу-то не сообразила... «Чё делать?» И признаться страшно, и тятя с Сёмой сели на крыльцо, курят. Всё же я не сильно боялась родителей – лучше сказать, совсем не боялась. Просто потерялась. Райку за руку, к воротам поближе, и маму позвала: «Мам, на бане цыпушки... мы играли...» я побежала – и след простыл. Какие там разборки были – я, конечно, не знаю...

К вечеру всё и забылось, как теперь говорится, «инцидент исчерпан»... Только за ужином я, конечно, побаивалась тятеньку, как бы он не припомнил мне и не дал лёгкую затрещинку, хотя ни разу в жизни не тронул меня и пальцем... Робко повела глазами на отца, а он так хмуро глянул на меня из-под рыжих густых бровей – и подмигнул. Мое сердечко чуть не выпрыгнуло от радости... Как же я была любима, и сама всех любила!!!

ГЛАВА 7

Это ощущение радости и любви как легким облаком обволакивало меня. Играла я всегда где-то выше земли – на бане, на сеновале, на сараях, ловко лазила на заборы и ворота, легко с них падала и не ушибалась. Но один раз, помню, залезла на крышу дома, а там, у трубы, была пристроена лавочка. И показала её мне сестра Анна. Она почему-то любила там книжки читать. Анна же уже в Тюмени училась и Зоя тоже, грамотейки наши. А мама гордилась ими. Кто еще из деревни в городе-то учился? Наверное, из-за того, что отец-то председателем колхоза был.

Ну и вот, я на крыше. Страшновато, конечно, зато вся «родина моя малая», как на ладони. Радости и гордости... полные, ну, правда, не было штанов...

Вижу, пыль столбом, орава «ордынцев» куда-то летит, а я тут одна, трясусь от страха, нужна бы мне эта лавочка? А как же, интересно же, почему Анне надо было здесь книжки свои читать? Ладно, а мне-то, если здраво рассудить, мне-то зачем на крышу лезть, на эту чёртову лавочку? Ни читать я не умела, ни писать, тем более ни одной книжки у меня сроду не было.

Это сейчас, дитё еще в пелёнках, а у него куча книжек накоплено, да еще с картинками. Но никто из них в столь юном возрасте не знал стихов Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других, кроме меня. Я «Демона» очень любила, плакала над Есенинской собакой, у которой хозяин-кат утопил щенков.

Ладно, про поэтов потом.

А тут вопрос, как с крыши слезть? Пробовала по лесенке, не выходит. Задом наперед не нащупываю ступеньки... Нижняя ступенька то ли ниже стала, то ли ноги у меня короче стали? Я же не знала, что залезть всегда легче, чем вниз спуститься. Отчаялась по лесенке. По крыше добралась до веток рябины, что под окнами росла в палисаднике, ухватила за ветку, да и сползла к самому краю крыши. Рябина старая, высокая, а ветки-то у ней гибкие. Держусь за ветку, а спуститься страшно. Выход один – маму кричать. А кого еще? И не сообразила, что мамы-то дома нет, сестёр тоже нет. Ага, так бы они и дали мне на крышу избы залезть. Это тебе не баня, где мы с Райкой часто играли.

Я так орала, что даже как ни галдели мои друзья, услышали мои вопли. Сбежалась орда, стоят, снизу на меня тарашатся, советы дают. А чё мне их советы, кто бы сам залез на такую высь, да попробовал не орать со страху-то...

Один Колька-сопля стоял, молчал, носом швыркал. Наверно, думал, как меня с крыши достать, а потом отлупить. Бывало уже. Но я почему-то сердца на него не держала...

И вот, сквозь слезы и вопли, я разглядела своего спасителя. Конечно, это был мой любимый – прелюбимый тятенька. Видно, в конторе был, а по случаю жары окно-то открыто было, а шум был велик, а может, кто-то слетал к сельсовету, доложил обстановку, вот и пришло спасение. Даже не заругался, только шевелиться не велел. Снял он меня с крыши, отряхнул одежду, вытер мою зарёванную мордашку и ушёл.

А треснул меня два раза мой друг, Колька Каржов, по прозвищу «сопля» – за то, чтобы не лазила, куда не просят. А ему-то что?

Тоже мне, командует тут... Да ещё стукнул...

А меня и так никуда не просили. Только два раза. Вовку тётки Стешиного качать, да под амбар за яйцами лазить. А на Кольку чего было сердиться? Он и так всегда за меня был. Колька, хоть и был меня чуть-чуть постарше, а ростом-то с меня всего. Он даже иногда брал меня на качели. А что кукле голову оторвал, я давно забыла. Друг всё-таки...

Ладно, немножко про качели. Мне-то покачаться ну никак не выходило. Только, бывало, кто-нибудь подсадит (сама-то я не залезу), только качнет разок – и всё. А Колька, хоть и не большенький, а ловчей меня. Встанет на доску, ухватится за верёвки, присядет, потом

коленки выпрямит – и полетели в облака. Ну, если уж правду говорить, до облаков было очень далеко. Я до них, за всю мою жизнь, так ни разу и не долетела.

Об этом потом, если успею. А про качели-то не договорила. Вот когда по праздникам, или просто по вечерам, девки с парнями собирались около этой волшебной доски и, посадив на доску девок, сколь мест хватит, двое парней вставали по краям доски и так же как Колька приседали и выпрямлялись, держась за крепкие веревки. Вот было на что посмотреть! Качели взлетали так высоко, чуть не до неба... У девок подолы красивые по ветру полоскались, девки дружно визжали от страха и восторга, а парни еще сильнее раскачивали качели и тоже громко хохотали.

Так и не выросла я до того, чтобы и мне так же летать до небес, и чтобы Колька Каржов стоял на одном конце доски...

ГЛАВА 8

А вот чтобы обманывать меня и пользоваться моей малолетней глупостью, для этого у меня были старшие сёстры. Помните, я хотела про вечерку рассказать? Хотела, да всего так много случилось, а сразу про всё не получается.

Вот вы бы задумались и спросили меня, а как же это я тут пишу про себя? Я же в триере сплю. Про тот садик детский я уж давно позабыла. Да, долго искали меня, и когда я выпалась в триере, то услышала в ограде, как Дарья Гавриловна выла жалобно, и как сильно тятя всех материл, даже без русских слов.

А мне (я уже проснулась) было страшновато. Да и мокрый подол был. А куда деваться? Давай кричать. Тут и мама, и девки, и соседи ближние собрались.

Шутка ли? Председательская Маруська в триер залезла и спит. А ее полдеревни ищут. И слова такие нехорошие про меня: «Выдрать бы ее путём... Неужто у Николай Максимыча ремня на неё нет?»

Нет, не было у моего дорогого тятеньки на меня не только ремня, но и тоненькой ивовой веточки. Сроду пальцем не тронул. Старшие сёстры очень даже бы охотно накостыляли мне за вредность, но боялись отца.

Так и росла я «вольным казаком». А вот за простодушность свою много страдала.

Я же вам про вечерку вроде начала. Ну, не про само гулянье. Так и не довелось мне чудными деревенскими вечерами под звёздным небом под гармошку у околицы песен попеть. Может быть, на меня бы кто-то из парней посмотрел, хоть тот же Колька Каржов... Может, он тогда носом швыркать перестанет и «соплёй» его звать не будут. Мечты...

А пока сестра моя любимая Анна ласково так, с улыбочкой, пока я не сбежала на улицу, утешает меня:

– Маруся, а чё вы с Райкой сегодня делаете?

Простая душа, то есть я, отвечает, что дел у нас с Райкой по уши...

– Девчонки по ягоды вчера сговаривались, может, и нас с собой возьмут...

На что сестра говорила:

– Ох, мила ты моя, они уж в лесу наверное, видела я утром в окошко... как они собирались около дома Цильмана. Ушли они, моя хорошая...

Видя мою расстроенную рожицу, Анна спешила успокоить меня:

– Не переживай, вот мы с девками пойдем в лес, вас с Райкой возьмём...

Много ли ребёнку надо, чтоб утешиться?

А Анна тем временем уже подговаривается, что, дескать, сегодня вечером они возьмут нас с Райкой, и ещё кого-нибудь можно сговорить постоять недалеко, посмотреть немножко на круг. Обманый диалог продолжается... – Ты, Марусенька, у нас такая умная да ловкая... собери подружек-то, да насобирайте шишек да сухих веток в сосняке. Да побольше... Там, за часовней, старые ведра лежат, вот в них и насобирайте, да еще в кучки... Дыму-то много надо...

– А вы не обманете?..

– Да, Бог с тобой!.. Да когда это я тебя обманывала? Это Ольга в прошлый раз тебя обманула...

Хотя, по совести сказать, я и не помнила, кто и когда меня обманывал. Не помнила, и всё.

– И Райку возьмём?

– И Райку... и ещё, кого хочешь, возьмём...

Счастливая донельзя, я бегала по улице, собирая своих друзей. И пошла работа. Сосняк у нас большой, сосны старые, толстенные, высокие, прям небо подпирают. Ух, шишек под ними полно. А понизу заросли тёрна, шиповника, всё колючее. Пальцы исцарапаны, занозы

кругом... Друзьям моим уже давно не нужна никакая вечерка, намылились убежать. Но, все-таки, натаскали, кто в чём – кто в платке, кто в подолишке. Жарко, потно, очень пить хочется... Худо-бедно, хоть не очень много, но смело можно вечером на бал, к околице.

Не тут-то было...

Вечер тихо, ласково опускается на уставшую деревню. Заскрипели воротные петли, встречают своих кормилиц у ворот бабы...

Вот такая благодатная тишина и в душе, и в тёплом пыльном воздухе... А кормилицы с поскотины идут медленно, важно, понимая свое предназначение. Вымя, полное молока, тяжелое, походочка – заглядение...

Пастух позади стада шагает, не торопит коров как утром, не орет благим матом, не щелкает кнутом. Бабы до поскотины провожают утром и вечером встречают, как дорогих гостей, своих кормилиц. Вот и дойка закончена, куры, эти хлопотушки, спят давно, все дела во дворе переделаны. Сели ужинать. Даже я умытая и в чистом платье. А как же. Мне же на вечерку посмотреть обещано. Я даже ноги хотела вымыть по такому случаю, да мне как будто кто шепнул: «не надо». Ну, я и рада, что так сойдет, мне же не плясать.

А сердце билось по-воробыному от радости и какой-то неясной тревоги. Правильно, тревога-то сбылась, а вот радость в слезах спать отправилась всех вперёд. Ужин закончен.

А что мы, к примеру, ели – щас скажу.

И когда это мама всё успевала? Хотя нас и садилось за стол семь да два, да еще два, всем всего хватало. Тут тебе и гора рассыпчатой картошки с маслом и зеленью, и огромная сковорода с мелкой речной рыбкой, запеченной в яйце с молоком, чашка свежего творогу со сметаной, мед всегда к чаю, молоко, хлеба гора, мягкого и запашистого, сметана отдельно, мало ли кому хлебом макать охота. От такого ужина ясно, что в сон поклонит. Но меня в тот вечер ко сну не клонило. У меня важное дело...

Это же надо? Ушли девки в горницу и дверь за собой закрыли. Чего-то там хихикают, чего-то сговариваются... Наверное, про женихов говорят, так это мне не интересно нисколько. Мне бы дымком от шишек подышать, на звезды бы посмотреть из темноты, а если повезет, так и луну увидеть. Я ведь только день видела, а с раннего вечера до утра дрыхла, как пропащая. Вот что интересно, спать я тоже любила. Заглядываю потихоньку в горницу к девкам:

– Ну, чё вы так долго-то?

– Сейчас, Марусенька, скоро мы, скоро...

– А гармошка-то будет?

– А как же, милая, как же, обязательно будет... Мы гармонисту сказали, что вы с Райкой и шишки собирали, и вообще вы уже подросли, и он может и для вас с Райкой чего-нибудь сыграет...

Мамы дома нет, она с бабами на завалинке у Стешиного дома. Сидят, про свои дела говорят. С бабами не интересно. От нетерпения стою, с ноги на ногу перетаптываюсь. В душе огонь желаний...

Наконец, из горницы выглядывает Зоя, самая вреднущая из сестер.

Шепотком мне:

– Беги за Райкой-то, да маленько погодя за нами следом и идите, а мы вас там встретим...

Сказано-сделано. Подхожу к соседям, калитка открыта. В избе тихо, темно. Наверно, в гости ушли. Вышла на улицу, слышу, Семиха со Стешиной завалинки, где и мама сидела, меня окликнула:

– Ты чё, Маруся, хотела? К дочке, дак она уж спит...

Ну, маме не стала ничего говорить, что я-то спать не собираюсь. Бегом в свою избу, а там тихо, отец в кути что-то с уздечкой мастерит. Я всё почти поняла...

– А девки где???

– Девки-то? Да на вечерку побежали...

– А я???...

Мое маленькое сердечко просто взорвалось от острой обиды и предательства. В тот момент я перестала жить. Я даже заплакать не могла. Вдруг, какие-то нежные, тонкие, еле слышные, как звон хрусталя звуки наполнили меня, и забылось всё.

Утром, как ни в чём не бывало, сидела за столом во время завтрака рядом с сестрами и чётко осознавала, что из всех моих дорогих сестёр я не буду любить Зою...

Это было так страшно – кого-то не любить...

Потому, что мне мир улыбался, а я его любила и ничего не боялась.

ГЛАВА 9

Конечно, зря я так сказала. Боялась, да еще как.

Я маленько про скотину скажу. В нашей деревне (не знаю, как в других, не была там) почему-то не разводили свиней. Всё остальное было. Даже через два дома от нас жили козы, немного, и один козёл Петруша. Когда эти козы с Петрушей гуляли вдоль заборов и все чего-то быстро-быстро жевали, козёл всё поглядывал на нас, ребятишек, и хватал траву с оглядкой. Он был худой, какой-то недокормленный, с рогами и с бородой. Ходил и всё зыркал на нас большими глазами, и был похож на доктора, который один раз приезжал к нам из Перева-лово. Только у доктора не было рогов, а были очки, и очень уж с Петрушей они были схожи. И, конечно, я его боялась, козла-то, не доктора, поэтому никогда не дразнилась. Разве только язык покажу из-за калитки.

А когда мальчишки перед козлом выкобенивались, я, не дожидаясь, что будет, пряталась. А еще в колхозном стаде, при коровах, был здоровенный, как гора бык, по кличке какого-то героя. Звали его Мамай. От одной его башки с крутыми рогами и налитыми кровью глазами коленки от страха подгибались, и хотелось побыстрее убежать подальше. Вот, вроде и всё. Да не шибко всё... Может, вам и не интересно, а мне так помнится эта, милая сердцу, картина... Кур у всех было полно, и вечно они шарились, где попало, а мы, когда неслись по дороге, пыль столбом, норовили их напугать. Они смешно взлётывали, разбегаясь, и возмущённо кудахтали. Вот веселье. А с гусями у нас этот номер не проходил. Гусь – птица важная и серьёзная. И гуси меня в канаву загоняли, и гусак меня щипал за то, что я хотела у него перо из хвоста выдернуть. Так щипнул, что синячище на одном месте был. Жалко ему пера стало. Я вот чё заметила. Никто так быстро не сердился, как гуси. Подумаешь, господа важные.

Вот к примеру взять хоть того же Петрушу или Мамай. Они вон какие рогатые, а подбрее были. Это же какой прилив сил и мужества надо, чтобы скотину с рогами подразнить... И страх, и радость, и ещё что-то такое... такое, ну, не умею я сказать.

Нет, подрос у нас петушок, какой-то прямо буйный. Ни с того ни с сего наскакивал на всех. Ну, и бывало, пнёт его кто, он отлетит, а не унимается. Один раз не доглядела я петушишку, шла по двору, а он догнал меня и клюнул сзади. Я присела, голову руками прикрываю и ору благим матом. Не помню, кто от меня отогнал этого забияку, только вечером надо мною подсмеивались – трусиха, мол... Сестрички хихикали. И тятенька мой сидел за столом, улыбался. Думала, вот, никто меня даже и не пожалел... Только больше этого петуха я не видела во дворе.

Вы думаете, при моей-то вольготной жизни, про какую такую смерть говорю? А обыкновенную... Оно бы надо было сразу признаться, отчего я такая любимая была для всех? Да чего-то подумала: «А вдруг не поверят?» Но, все равно, про такую оказию в нашей семье не рассказать, ну никак нельзя. Похвалиться я всегда любила...

Это уже мамин рассказ про меня. Тут я ничего не могла вспомнить, потому, что ещё ни ходить, ни говорить не умела. А вот мама всё помнила. Еще бы...

В деревне всегда дел полно. Отец, как всегда, где-то гонял на своей Каурке, когда ему сказали, что Пиама его разлюбезная подарила ему дочь. Ну и радоваться бы надо, по хорошему-то. Надо бы, если бы первая была доченька, или, к примеру, вторая. Все понятно, вырастет, замуж отдадим, глядишь, зять будет, ещё один мужик в доме. Не исполнялись мечты отца о сыне. Девчонка-то была шестой по счёту. Это ли не обида, это ли не крушение надежд. Один мужик на семерых баб, это с мамой если считать. И когда, по случаю, тятенька напивался и гонял ни за что, ни про что маму и старших девок, мужики ему сильно сочувствовали и не осуждали. Может, только в душе радовались, что у них бабы как бабы, и парней рожают.

– А вот у Николая-то, вишь, жена умница и красавица, и уж хозяйка, прям, свет не видывал, а вот парнишку родить не может. Может, болезнь у ней какая неизлечимая?

Я немного про мамину болезнь вспомнила, когда вечерком, где-нибудь у завалинки, бабы языки чесали. Вот и слышала, что говорят:

– Это у Пиамы-то с Николаем сильно любовь большая. Вот, видно, поэтому и родит она одних девчонок. Мол, от сильной любви девки рождаются...

И я верила этим разговорам, думала, что эта болезнь и есть любовь. Значит, парнишки-то чё, выходит, просто так? А ишшо Колька-сопля дерётся? Вот вырасту большая... Дальше мне ни чё в голову не приходило. Опять я укатила от самого главного. А чё я сделаю, если у меня всё было самое главное. Дальше опять мамин рассказ:

– Манечка-то у нас родилась перед Покровом. Прилетел мой ясный сокол, черенком плётки стукнул в окошко. Матом меня окрестил и умчал на своем Каурке. К ночи прибрел домой еле живой, упал на лавку в кути. Дня три пил. Дак ведь работы выше головы. Работа важнее. Ну, чё теперь делать, не задавить же девчонку... А она вышла личиком беленькая, глазки голубенькие и рыженькая. На отца прям вылита, похожа. И всё бы ладно. Через неделю окрестили. Спросила:

– Как дочку-то назовем?

– Как-как? Марья...

– А на другу осень захворала моя крошечка. Только-только на ножки встала, ходить пыталась. Шажок-два сделает, и на попу хлоп. Грудь еще сосала, я не отнимала, думала, пусть растёт у материнной груди. Не думала я больше носить. Сорок лет, бабий век. Да вот беда и случись. Не доглядели мои няньки, Нюра да Лёля, видно, чего-то холодного хлебнула, или ножонки простудила, только свалилась моя маленькая в жару. Баба Катя, сокрушаясь, отваром её пользовала, укутав, на голбчик уложила... А она ни есть, ни пить не хочет, и голоса не подаёт.

Припаду к лобик у губами, горит ребенок. А чё делать? Август, страда. Нет минутки свободной. Ребятишки одни. Ехать за 30 километров в Зырянку за стареньким доктором некому. Что ж, на всё воля Божья...

Сутки прошли. Вечером прибежала с поля, смотрю, лежит недвижно моя Манечка, еле дышит, хрипит, глазки не открывает... Слёзы в груди закипели. Держусь, надо же остальных ужином кормить. Все к столу подтягиваются, молчат, на меня поглядывают. А что сказать? Отец постоял у порога...

– Мать, я на конный двор... – И вышел. Австриец за ним.

Накормила семью, дети спать ушли, остались мы с бабой Катей. Через силу прибрала в кути, поставила опару. Ходила, как во сне. Сколь времени прошло, не знаю. Сам зашел в избу, сел на лавку, молчит. Катерина от голбчика, позвала отца, меня:

– Милые мои, однако, не доживёт ребёночек-то до утра...

Я склонилась над умирающей дочкой. Слёзы душили, а я ничего не могла сделать. Гладила ее мокрый от пота лобик, целовала безжизненные ручки. Шло время... Катерина в горнице, прикрыв лампу от спящих девочек, на руках шила Манечке белую рубашечку. Отец под навесом сколачивал из тёсаных досок маленький гробик. Австриец сидел на крыльце, поднося лицо к небу. Наверное, он молился своему Богу. Он же не православный был, пришлый. Ну и чё? Бог-то на небе один.

Вернулась в избу. Хрип у дочки стал реже, стонов уже не было. На столе догорал керосин в лампе, и я давай лампу заправлять. Сняла стекло, открутила горелку, уже взяла воронку и бутыл, чтоб налить, и вдруг у меня, как молния, вспыхнула мысль... Я вроде слышала, что кто-то керосин пил, а для чего, не помню. Забилась эта мысль в голове и, не соображая, что я делаю, взяла ложку, вылила в неё тёплые остатки керосина из лампы, и, подойдя к голбчику, почти в темноте вылила этот керосин в открытый ротик. Пришло осознание, страх, что это я делаю, а вдруг сейчас умрёт?

– Господи, прости... помоги и помилуй... – уже в сотый раз молила я Бога.

Отошла от неё, занялась лампой. Бутыль за печку поставила, горелку прикрутила, фитиль наладила, стекло протёрла, села на лавку. Бездумно... Посидела, и вдруг, как огнём обожгло: в избе-то тихо-тихо...

– Ох, матушки мои, уморила я дочку-то керосином этим...

Боже, как страшно-то стало от этой тишины. Делать нечего. На цыпочках подошла с лампой к голбчику. Нет сил глянуть в личико. Подняла лампу. Смотрю...

Глазки закрыты, щечки запали, бледная-бледная, и не дышит... Реву стою. И вдруг вижу, на подушке пятно какое-то. Сильней склонилась, вижу, кровь с гноем вытекла из ротика. Со страху-то не заметила, что одеялко над грудкой чуть-чуть шевелится. Лампу на припечек поставила, к Манечке метнулась, обняла тихонько, а она спит... Уснула моя страдальца.

Омыла ей ротик от гноя и крови, прикрыла потеплей и к Кате да к отцу сказать, дескать, девчонка-то ожила. Баба Катя давай креститься, а отец, известное дело, выругался матом и пошел в избу. А прежде, грохнул по гробику молотком.

Вот так первый раз Бог меня спас от смерти маминым керосином. И была у меня незнакомая болезнь с красивым именем «Скарлатина». Чем я тоже потом сильно гордилась, когда подросла. И друзья мои считали меня очень важной и лишний раз не обзывались. У них-то такой болезни не было.

С тех самых пор тятенька мой и полюбил меня больше всех. А может, и раньше...

ГЛАВА 10

Всё-то я вам рассказала. Всё про себя поведала. Ой, да прям-таки всё, да не всё, а только то, что сама помню. К сегодняшнему дню, когда я пишу эти строки, прошло восемьдесят два года. И, если бы из моей большой семьи был жив ещё кто-нибудь, он бы рассказал гораздо больше.

Так бы и текла моя жизнь разноцветным колесом, яркой радугой, если бы не некоторые мелкие неприятности. По какой такой причине мне не нравились тесные помещения, не знаю. Только я боялась бани... Там было всегда темно, даже днём. Единственное окошечко мало свету давало, а мылись всегда по вечерам, то приходилось зажигать лампёшку. По субботам, в жаркой темноте, в пару начиналось дикое, на мой взгляд, действие.

Первым паром в баню шли мужики, отец и сосед Сёма. Часто и Паша-драчун приходил. Эти, как мама говорила, мылись с придурью. Им веники свежие подавай, квасу кринку. Ежели летом, дак из колодца ледяной воды в предбанник заносят. Зимой, дескать, мужики из пару да прямо в снег. Не знаю, чё им так приспичило, в снег нырять? Сама-то я не видела. Люди сказывали. А я ведь тятеньку всегда умней всех считала...

И чё там, в бане, вальяжничать? Подумай-ка, बारे какие... Ну, за вениками-то я на баню заскочу быстренько. А воды девки достанут из колодца, мама баню вытопит... Господа какие, подумаешь... Сёма всегда со своим веником. А Пашуха в кальсонах и курмушке через дорогу перескочит – и всё. Не пил бы, и веники, и баня свои были бы. Нет, глотку-то кто заливать будет, язви его?

Кстати, в деревне не в каждом дворе были свои бани. И часто баню топили по очереди, а мылись две-три семьи. Пару всем хватало. Воду-то рекой не лили. Её надо было с речки на коромысле натаскать. В бане главное – пар. Взрослые на полке хлестали сами себя или друг друга распаренными берёзовыми вениками. Жар был невыносим.

Зная мое яростное нежелание лезть в этот горячий кошмар и моё умение убежать, пока тятенька с Сёмой и Пашухой парились, старшие сестрицы пытались догнать меня. Сразу после мужиков мама перемывала малышню: Шурку, Клавку, Лёльку и меня.

Последними мылись девки. Те долго мылись, ведь волосы-то густущие, прополощи попробуй. Тоже, красавицы голожопые, как дорвутся до бани... Вечно девки в бане дольше всех плескались и всё чё-то визжали, будто кто их щекотал... Вот охота была...

По этой причине, каждую субботу я сбегала, а за мной устраивался маршфон. Желающих меня поймать было полдеревни. Кино, да и только. Только кина у нас тогда не было, это я приврала. Хотя и бегала я быстрее всех, но противостоять целой бегущей и орущей «орде» я все-таки не могла. Меня ловили и тащили мое худое и дергающееся тельце в эту ненавистную баню, как приговорённого агнца...

Мой младший брат, уже вымытый и розовый как поросёнок, сидел на лавке, завернутый в чистую пелёнку. Сидел, сопел и хоть бы хны. А чего ему хныкать? Когда мама освободится, даст ему, бугаю, титьку. А я-то за что маюсь?

Мама, не долго говоря, ставила меня между колен, крепко прижимала и, намылив мою спутанную шевелюру, отмывала с неё всю пыль и грязь, заодно с мыслями о моей нелёгкой судьбе. Вначале я пыталась орать и брыкаться, но силы были неравные и мыло лезло в рот. Я болталась в маминых руках как сломанная ветка, пока она тёрла, не жалея, мое тельце. Орать уже не хотелось, силы были на исходе.

И как это мама всё угадывала? Как знала, что я вот-вот помру... И как раз, в этот момент полного изнеможения, в предбанник заходил тятенька, мама надевала на меня чистую рубашечку и передавала нас с Шуркой отцу. Он брал нас к себе под мышки и заносил в дом.

На этом трагедия моей жизни не кончалась. Начиналось выдёргивание моих рыжих кудрей. Этим занимались сёстры. Кто пожалеет мою бедную головушку? Правду сказать, сестра Анна тоже любила меня и всегда старалась расчесывать мои спутанные кудряшки очень осторожно. Я и сейчас вспоминаю её с грустью, болью и благодарностью.

Про сестёр я тоже скажу, что помню. Потом...

На то время жили мы по деревенским понятиям богато. Хоть и раскулачены были дед с бабушкой, из дома никого не выселили и не всё отобрали, потому, что отец воевал, а у мамы было уже четверо детей. А вот чё отобрали, не знаю. Меня тогда не было. Только помню, мама расска — зывала, что пасеку почти всю сожгли, вместе с пчёлами... Жалко пчёл-то... Был у нас Каурка, две коровы, телушки, овцы, не знаю, сколько.

Полный двор кур, гусей. А сама мама до того жила в доме отца сиротой, как бы работницей. Она была из бедной семьи, где у бабушки, которую звали Олимпиада Дормидонтовна, были ещё дети, старше мамы. Брат Агап и сестра Акулина. А мужа у бабушки не было. В те времена такое считалось большим позором. А так как предполагаемый отец троих детей был сыном богатого человека из Зырянки, который учился в Петербурге и на лето приезжал навещать родителей в своем имении, после его отъездов у красавицы Липки и рождались дети. Говорили люди, что любовь у них была сильная. И не трогали их. Но судьба не дала долго мучиться бабушке. В один год Бог прибрал по причине чахотки сначала Акулину, потом Агапа. Умерла и Олимпиада, свет Дормидонтовна. Мне всегда было жаль её, хотя я её никогда и не видела. В деревне, на виду у всех, идти по улице с «пузом» — это надо смелость иметь... Поди, стыдно ведь было... До меня еще далеко было.

И осталась младшая девочка, моя мама Пиама, круглой сиротой. Мир не без добрых людей. Взяли девочку мои будущие дед Максим и бабушка Марфа. Хоть и богато жили, а хлебосольней их на деревне не было. Уже в мою пору к нам вечно народ приходил. Не то, что к Каржовым, к Колькиным родителям. Правда, у Кольки отца-то тоже увезли давно. С бабкой парнишка жил. Кто его обстирывать-то будет, да отмывать? Вот он и сопливый всегда бегал.

Году не пожила мама у богатых людей, как приключилась в доме эта холера, болезнь. Говорят, любовь! Видать, заразная. Сынок младший, Николушка, взял да и полюбил девчонку-работницу. Ему шестнадцать лет, ей и четырнадцати нет. Тятенька-то мой заявил отцу, сказал:

– Женюсь на Пимке, и всё! Люблю, дескать, шибко!

Дак и дед Максим был неуступчив. Хоть и хороша Пимка была, дак ведь нищая, почитай. Да и нагулянная. Мать-то её, Липа, не одного парня с ума свела в деревне. Даже из Перева-лово приезжал один богатый жених, сватать... Нет, не пошла. Бедная, а не позарилась. Порода такая, ордынская. «Нашла коса на камень...» Бит был мой тятенька жестоко. Три дня с лавки не вставал. В длинной рубахе, без штанов. Не пикнул даже. Потом в жару метался, бабушка от него не отходила, поила травами, шрамы смазывала. Дед старался в дом не заходить, а мама как серая мышка по углам пряталась, хотя ни в чем виновата не была. Она их побаивалась, этих хозяев. Были мужики небольшого роста, суховатые, рыжие, молчаливые — что отец, что сыновья. В деревне-то говорили, дескать, татарское отродье, а нас, ребятишек, так и звали «ордынцами».

Чё бы ни было, а вскоре и поженились, и обвенчались. Вот от такой-то, заразной любви, шесть девчонок родилось да сынок. Жить бы да радоваться. Да кабы воля своя...

ГЛАВА 11

Ягодка это лесная, слаще которой нет... Во всем мире растут разные фрукты-ягоды, но мне она полюбилась оттого, что я другого ничего и не собирала. Смородина, черника, голубица, клюква, брусника, костяника, черемуха, боярка и еще куча всякой всячины росло в наших пышных лесах. А вот – она, «и одна, да миленька». Пока рассуждаю, что лучше, а тут и Нюра вынырнула из-за кустов:

– Ох, Маруся, и испугала ты нас... Зойка ревет, тятю боится, все на меня сваливат... Я ж тебя караулить должна... Ну, чё ты тут забыла? Чё делала, а?

– Мы уж по полтуеска набрали...

– Дак Нюра, посмотри, чё кругом деется-то?

– Вот тебе бы всё любопытничать..? То и деется, чё надо... Лес ведь... Тут своя жизнь. На всю жизнь не наглядисься. А у нас свои дела... Вот, гляди!

Склонилась сестричка, я с ней присела, и боже мой!.. В траве-то под листиками ягода, земляника. Крупная, спелая, с одним рыжеватым бочком, на тоненькой веточке. То я и думала, чё такой запах в лесу сладкий. А это, выходит, от неё. Вот глупая я, букарашек разглядывала, а ягоду не видела. Ну, теперь наберу...

Полянка небольшие, Нюра рядом, можно и набрать кружку-то... А кружки-то нет, потеряла. Поискать бы, дак где в траве-то найдешь? Сестре боюсь сказать. Принялась я земляничку, самую спелую да крупную, в рот ложить. Уже не вприсядку, на коленках ползаю. Сорву две-три ягодины, положу в рот, языком к нёбу прижму... Глаза сами собой от удовольствия закрываются. А ягод – ешь, не хочу...

Сладости этой запашистой решила домой принести. Не влезало уже в меня. Нашла лист лопуха, здоровый такой, наложила в него ягод, зачем-то ромашечку сорвала туда же. Как бы подарочек. Съела еще немножко, чё-то так приморило солнышком, не могу глаза разлепить. Прилегла и уснула. Я же еще раньше вам говорила, что спать люблю...

Так и принесла меня старшая Зоя на закукорках, полусонную. Все ворчала, что не надо было брать меня в лес, что права она была. Зато мама, когда отмывала мою рожицу и руки, красные и липкие от сока, сказала мне:

– Умница ты моя, Манечка, подарочек принесла... А на столе лежал измятый лопух с ярко-розовой кашцей...

А про кружку никто и не вспомнил и про городские ботиночки 36 размера тоже...

Уж больно хорошее времечко, это лето. Прямо, полёт души. Но, я так думаю, и зима не хуже. Только вот лето быстрее кончается. И чё бы так-то?

Зимой местами тоже интересно бывает...

К примеру, я всегда мечтала больше зимой...

Летом-то когда? Всё недосуг. Вот не знаю, где как, а мы первым делом – на свою любимую речку. В города играть. Ясно дело, когда замёрзнет река. Появляются во льду пузыри замёрзшие, много-много. Большие и маленькие. Бежим на речку. На коленках ползаем, разметаем снег, и вот они... наши «города»...

Собираем всякие сосновые иголки-веточки, нитки-тряпочки... Украшаем свои города, мечтаем там побывать, улетаем на лёгких крыльях воображения в свой прекрасный детский мир... Звенят и переливаются нежнейшие хрустальные струны. Неизвестно откуда, звучит в ушах чудесная музыка чистоты, белизны, смеха, падающего снега на румяные щёчки ребятшек. И хочется от избытка чувств обнять весь мир и жить вечно!

Не знаю, как другим, а мне зима по душе. Правда, темнеет быстро. Но и это к месту. Вечерами другая жизнь, особо тихая. Во-первых, после первых морозов, ближе к Рождеству, начинаются приготовления. Всё-то не опишешь...

К примеру, пельмени мама начинает заводить. Тут ведь как? Не на один присест. На всю зиму. Поэтому теста много, мяса ещё больше надо. Мясо надо нарубить в деревянном корытце, приготовить фарш. Это мама никому не доверит. А вот стряпать садятся за наш большой стол все, и я тут как тут. К сёстрам приходят подружки, тоже садятся. Вроде посиделки получаются. Пельмени лепятся шутя. Мама незаметно подкладывает в некоторые пельмешки чё попало. Кому на богатство – копейку, кому на худу жизнь – уголёк, кому с парнем целоваться – изюминку... Кто-то заводит песню, её подхватывают все и льются потихоньку «страдания», шуточные, про любовь обязательно... Даже у меня шило в одном месте не торчит.

Мама важничает, смеет даже тяте сказать:

– Не курил бы ты, отец... Вишь ведь, тесто...

И отец послушно уходил к кому-нибудь из мужиков. У них свои тары-бары. Тоже поговорить-то любят. Дымище... сидят вольготно без баб. Всё с утра ещё переделано. Можно и поговорить по душам...

А кто их знает, об чём они могут говорить? Вроде и не об чём. Разве только про лошадей да про навоз, что на поля ещё не весь вывезен... Ну, может, и про чё другое, уж не знаю. Вот тятенька мой, тот только и умеет команды отдавать... Это и понятно. Попривык на своих, то на белых, то на красных, войнах приказы подавать. Вот и не умеет говорить-то много. Да и другие мужики только матерятся, особенно, когда у «сборни» сход, или так просто посидеть сойдутся... Да Бог с ними, пусть отдыхают. А то ведь кроме работы-то чё они видят? Одна работа. Добыткики...

Конечно, какие в деревне прибабасы? Самое любимое – санки, горка. Тоже картина маслом... Мы-то, мелюзга, ладно, пурхаемся в снегу, как курицы в пыли. А вот девкам с парнями приволье... Приволокут парни с конного двора сани или кошёвку, оглобли поднимут, свяжут их. Насадят девок. Девки красноморденькие, полушалки пуховые, выходные наденут. Глаза блестят из-под полушалков-то. Чё им мороз какой-то? Радёхоньки...

Парни сзади ухватятся за крыльца, разбегутся... и полетели с горы. Девки, конечно, визжат от страха, а, может, от чего ишшо. Парни тоже, видно, боятся, всё за девок хватаются, все хохочут... Вот веселье...

Ну, да этим кого удивишь? В моём доме скучно не было ни зимой, ни летом. У нас Зоя и Анна учились в Тюмени на учительниц, приходили домой на лыжах на воскресные дни и на каникулы. Иногда с подругами. Начинался меж ними городской разговор.

Вечерами под китайской, ещё старинной керосиновой лампой с фарфоровым в цветочек абажуром собиралась вся семья. Только маме некогда было... Господи...

Вот в этом ликбезе я и научилась любить книгу, читать и писать. Анна читала стихи Есенина, Блока, Пушкина... Особенно я любила мятежного Лермонтова. К семи годам я почти наизусть знала «Демона», много стихов Блока. Детская чистая память всё впитывала как губка. Эх, дальше бы поучиться... Не задалась судьба.

ГЛАВА 12

Все, кроме мамы, любили читать. Может, и она бы чего-нибудь почитала... Не умела моя матушка читать. Всё на свете умела, а вот поучиться не довелось. Зато отец грамотный был. Не зря на съезд в Москву в тридцать пятом году ездил. Мне уж четыре года было. Хорошо помню, как тятя привёз нам таких длинных конфет в полосатых обёртках, много книг и фотографий.

Рассказывал он нам про то, как они в Москве пропили с радости-то все деньжонки, что из дому наскребли. Дорога-то дармовая была, а на гостинцы детям ничё не осталось. Вот во дворце и состоялась встреча с Калининым. В Кремле.

Выяснилось, что без гостинцев – ну, никак нельзя. И добрый дедушка Калинин дал тятеньке сорок рублей. Много лет отец сокрушался, что не вернул ему деньги... Как-то не вышло. Много чего не вышло...

Дак вот, опять я не по порядку пошла. А скажите мне на милость, у кого у вас в шесть-семь лет в голове-то был порядок? Чё-то я сильно сомневаюсь. Ну вот, я опять про себя забывать начала. Так об чём я? Да, про зимнее житьё...

Зимой праздников много, ну, и гуляли немало. То свадьба, то родины, церковных канителей полно. Святых-то людей на Руси пруд пруди. За всех же надо выпить. Тут и Рождество! Вот уж где гулянье. В ночь-то под Рождество «нарядчики» по избам ходили... Как ввалится в избу целая ватага народу, кто в чём...

Тут и козлы в вывернутых шерстью наружу шубах, тут и попы в шутовских колпаках, и гадалки с самодельными большими картами, и пряжи с пучком соломы на веретене, и цыганята. Рваная гармошка... Балалайка с одной струной... Шайки с сухими вениками, вроде баню изображают, сухим веником хлещут, листья в разные стороны. Изгаляются, кто в чё горазд... шум, гам, хохот...

Мама не успевает одаривать одну ораву, а на крыльцо уже другие идут... Поют... кто псалом, кто матершинную припевку. Пляшут, смеются, угадывают, кто есть кто... Вот это веселье... Сроду не забыть! Всю неделю куролесят. Молодые мужики и парни играют в войну. Им бы всё кулаками размахивать... Вот петушиная порода! Нагребут снега, построят крепость и лупят друг дружку снежками. Или борются в снегу, в одних рубахах... Бывало, и овцу на крыше к трубе привяжут... Это уж парни тешились, холеры... И ворота дёгтем мазали... Это, если в доме девка была, да стала ненароком бабой. А может, и нет... Просто по шутке, или из мести... Там не поймёшь...

А как девки гадали?.. Это же надо большим писателем быть, чтобы всю эту бесовщину описать. После гулянок бабы избы прибирают, мужики дворы. Вот и ребятишкам есть работа... хорошая работа. Ходить по дворам и одаривать соседей, каких мама скажет. Навяжет мама узелки: пряников, тарочек, пирожков, растегайчиков с рыбой да всякой всячиной... Даже маковников медовых и сырчиков с изюмом. И вот мы с сестрёнкой Кланькой идем по деревне. Довольные, гордые. Встречаем одаривателей из других домов, побогаче. Никаких хиханек, баловства...

Не у всех же достаток. А праздника всем хочется.

Заходить в избы – целое дело... Руки заняты, а где и открыть утеплённую соломенными жгутами дверь не удаётся. «Кто там?» сроду не спрашивали. Приходится пинать дверь ногой. Хозяйка впускает меня, охает:

– Ох ты, мнеченьки-то!!! Никак к нам гости... Милости просим! Дак, кто же это к нам пожаловал?..

Разматывает на мне большой платок, из-под которого только глаза мои видно...

– Кого это нам Бог послал?.. Батюшки!.. Да никак Марья Николавна?.. Вот уж гостья дорогая!!!

От гордости и от радости, что я гостья дорогая, сама себя не узнаю... Я уже давно забыла, как она летом кричала, что отстегает меня крапивой по голой ж..е... Чё уж там помнить... Радёхонька без меры. Но скромна.

– Спасибо, тётка Фёкла... Нет, я только из-за стола... Вот, мама гостинцы... С Рождеством Христовым вас... послала!

Почему-то волнуюсь. За стол не сажусь, мама наказала строго-настрога не лезти за стол, даже если зовут. У них ребятишек куча. А Фёкла последнее выложит... Отдаю гостинцы. Женщина благодарит меня, как большую... У меня сердечко трепещет от радости, даже как бы от счастья какого-то. Ведь и мама похвалит... Красота!!!

Всегда любила по праздникам гостинцы носить. Мама то мёду чашку отправит, где ребёнок захворал, то в тряпицу свежего хлеба каравай завернёт, той же Дарье Гавриловне. Одна тоже ведь горе мыкает. Мама всех жалела. Сама почти из сиротства. Сколько она муки передавала бабам, потихоньку от тяти... Тот-то строг был. Всё в дом!

Чё бы это вам ещё припомнить интересного? А вот, чуть ведь не забыла...

Жила у нас в деревне откуда-то пришедшая семья. Ещё до меня пришла. Ланцовы по фамилии. Дети у них. Девчонка со смешным именем, Людмила. Люськой мы её и звали, и парнишка, не помню, как звать. И что интересно, но по какой-то причине жили они в бане. Вот, где наш сельсовет и детский сад был. Так на задворках у них, этих раскулаченных, и стояла баня. В ней и жили Ланцовы. Сам-то (никто его имени и не знал) хороший был чеботарь. И вот чё бы и не жить, как все люди. Дак он пил «горькую». Так мужики говорили. Не водку там, или самогонку, а «горькую». Чё уж за питьё такое? И жена у него была, Анна. Бабы говорили, что красавица, а чё мужики толковали, не слыхала я ни разу. Чеботарь Ланцов был отменный. Все несли ему обутки налаживать. Он и чирки шил. Кож-то у всех полно. А у кого нет, дак соседи и так дадут, без платы. Он и нам троим сшил белые шубки – борчатки... Лёльке, Кланьке и мне.

Так и жили они в своей бане. Я ходила по временам к ихним ребятишкам, звала играть. Тихие такие детки. Мне бы такой быть... Это сестра моя, Зоя, на них завидовала, недовольна всё мной была.

Одним утром, зимой, ещё темно за окном было. Сидим мы за столом за самоваром, чай пьём. Все дома. Ещё баба Катя жива была, Австриец с нами жил. Открывается дверь в избу, заходит Ланчиха. Ясно дело, все поворачиваются к ней. Мама сразу:

– Ты чё, Нюра... по чё-то пришла? Давай к столу..

Анна молча, стоя у порога, распахивает старенькое пальтишко!!! И, о Боже, стоит, в чём мать родила... И тут же запахла... тятя маме шепнул: «Прикрой, мать...»

Мама метнулась с лавки к Анне. За столом гробовая тишина. И тут я заикала. Я ничего не могла сделать, икала и икала. А потом у меня был жар, с перепугу, что ли?

Тогда мама навязала Анне узел одежды, ей и ребятишкам. Ну, дня через три-четыре бегала я в том краю. К Ланцовым торкнулась. Не лето тебе, не покричишь... Зашла, позвать играть на лёд детей. В бане печка топится, тепло, а свету мало. Но я зоркая. Невзначай поглядела на самого, а он сидит и чеботарит в маминой юбке. Мужик в юбке... Смешно мне так стало... Разнесла я эту весть по деревне. Смеху было... бабы бегали, искали, у кого штаны лишние есть? А у кого они лишние? Мама горевала, что забыла про Ланцова, самогó-то... Не подумала, что последние штаны пропёт.

Так вот и жили. Люди как люди... На Крещение вот в кузне случай был весёлый. Решили в кузнице новый горн поставить. Яму выкопали, ждут, когда из города новый горн привезут... Россия-матушка... Два года ждали. Собирались в кузне мужики частенько – так, покурить... Когда, видно, и с бутылкой. Курили самосад. Окурки, мусор всякий – в яму...

Ну вот, в ночь на крещение кузнец с подмастерьем Ваней обосновались в кузнице от баб. Не мешать чтобы им. Самогонки море – пей, не хочу. Ну и пили... Сколь ни сиди, а домой-то надо. Лёня, кузнец, крепкий был мужик. Стал Ваня подниматься, да и упал в ямку-то. Лежит, мычит, а вниз головой долго не помычишь. Пытался его Лёня вытащить, дак сам чуть не упал на Ваню. Тоже еле на ногах держался...

А чё делать? Выполз Лёня из кузни... Никого... Но Бог то есть!.. Едет с фермы трактор, сено завозил. Остановился тракторист... Лёня лыка не вяжет... Кузница настужь... Скумекал... Надо помогать мужикам... Пропадут. Не июль месяц, январь! Прицепил Ваню тросом за шубейку, вытащил тракторист его из ямки и поволок по снежной-то дороге к дому. Посреди улицы остановился, отцепил Ваню и укатил. Кто-то видел, как трактор Ивана тащил... Решили, что уже замёрзлый... Сбегали к жене его, сказали, что Ваня замёрз, не шевелится, трактор его притащил. Собралась деревня, бабы воют, молодой ведь мужик... Жалко-то как!!!

Мужики, тоже уже подпитые, не знают, чё делать? Праздник, а тут... как нарочно... мертвяк. Разобрались, когда баба его в одном платке прибежала... Упала на бездыханное тело мужа с причитаньями... И вот, на тебе, мертвяк... язви его!.. Когда жена стала его тормошить и выть в голос, дескать:

– Чё так недолго-то и пожил?.. Да на кого ты меня оставил?.. Да родимый ты мой!!!

Он тут и зашевелился, и дух от него самогоношный пошёл... Ну, тут мужики смекнули, в чём «собака зарыта». Загоношились с радости. Праздник даром не пропал!.. Заволокли Ваню в избу. Чё там дальше деялось, никому никакого интересу не было!.. В деревне праздник!!! В деревне веселье!!! Ну и драки, как водится! Гуляй, Русь-матушка!!!

ГЛАВА 13

Хочу я дальше продолжать свою повесть или нет, но, как говорится, «замахнулся – уда-
рай!» Я уже в самом начале поминала о тридцать восьмом годе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.